I. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Должиков А. В. Конституционный принцип соразмерности: междисциплинарный подход // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 6–27. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27.

Dolzhikov A. V. Konstitutsionnyy printsip sorazmernosti: mezhdistsiplinarnyy podkhod [The Constitutional Principle of Proportionality: an Interdisciplinary Approach]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. Pp. 6–27. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27.

УДК 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

А. В. Должиков

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Поступила в редакцию 03.11.2019

Введение: соразмерность является объектом изучения различных областей знания. Каждая из дисциплин обращает внимание лишь на отдельные проявления данного феномена. Нельзя смешивать общенаучные и юридические аспекты соразмерности. Однако междисциплинарный подход позволяет выйти за рамки сугубо формально-юридической методологии и увидеть новые грани соразмерности. **Методы:** в работе выдвигается аргумент, что исключительно догматический метод в юридических исследованиях не способен разрешать комплексные социальные проблемы, включая сложнейший вопрос согласования публичных и частных интересов. В работе междисциплинарный метод используется для более глубокого анализа конституционного принципа соразмерности. **Цели и задачи:** междисциплинарный анализ соразмерности имеет не только теоретические цели, но и прикладные задачи. Поэтому предпринята попытка увязать междисциплинарный подход с практикой конституционного правосудия. В соответствии с такой целью в работе решаются три основных задачи. Первая часть работы направлена на выявление сущностных характеристик конституционного принципа соразмерности. Для этого автор обращается к философии, логике, психологии и этике. Во второй части работы идея соразмерности анализируется с использованием наработок языкознания. Его достижения имеют прикладное значение при толковании соразмерности в делах о защите конституционных прав. В третьей части соразмерность рассматривается в эко-

номике, социологии и политологии с точки зрения возможного согласования конституционных прав частных лиц с публичными интересами. **Результаты:** аргументируется взаимосвязь различных проявлений междисциплинарности в анализе принципа соразмерности. Каждый из них не может применяться по отдельности. **Выводы:** в конституционном судопроизводстве необходима комбинация различных междисциплинарных подходов в зависимости от обстоятельств дела. Кроме того, такой вывод не должен отрицать ценности юридической догматики применительно к соразмерности. Последняя тема заслуживает дальнейшего исследования.

Ключевые слова: принцип соразмерности; конституционные права;
конституционное правосудие; междисциплинарный подход

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

A. V. Dolzhikov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Received 03.11.2019

Introduction: proportionality is an object of study in various fields of knowledge, with each discipline only focusing on particular aspects of this phenomenon. General scientific and legal aspects of proportionality are not to be mixed up. However, the interdisciplinary approach allows going beyond a strictly formal (legal) approach and seeing new dimensions of proportionality. **Methods:** the author argues that the application of an exclusively dogmatic approach in legal research is not capable of solving the complex issues of society, including the most difficult problem of balancing public and private interests. Therefore, in this paper, interdisciplinary methodology is used to provide a deeper analysis of the constitutional principle of proportionality. **Purpose:** interdisciplinary analysis of proportionality is geared not only to theoretical goals but also to applied tasks. In this regard, an attempt was made to link the interdisciplinarity approach with the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In accordance with this goal, the study is to solve three main tasks. The first part of the paper aims to identify the essential characteristics of the constitutional principle of proportionality; the author refers to philosophy, logic, psychology and ethics. In the second part, the idea of proportionality is analyzed through the prism of linguistics. Linguistic aspects are important when interpreting proportionality in its judicial sense in cases on the protection of constitutional rights. The third part analyzes proportionality in such fields as economics, sociology and political science from the perspective of finding a possible balance between constitutional rights of individuals and public interests. **Results:** the author justifies that only interconnection of various aspects of the interdisciplinary approach is meaningful in the analysis of proportionality. Each of the aspects cannot be applied separately. **Conclusions:** in constitutional adjudication, a combination of various interdisciplinary approaches is necessary depending on the circumstances of the case. Such a conclusion should not deny the value of legal dogmatics in application to the proportionality analysis. However, the latter topic deserves further research.

Keywords: proportionality principle; constitutional rights,
constitutional adjudication; interdisciplinary approach

Введение

Господствующий в отечественном правоведении позитивизм препятствует учету внеюрисдикционных факторов в конституционализме. В этом смысле он противостоит междисциплинарному подходу в юриспруденции и его отдельным разновидностям (экономический анализ права, критические юридические исследования, социологическая юриспруденция и др.). В последнее время такой подход получает поддержку среди российских конституционалистов [31].

Соразмерность в наиболее общем смысле представляет собой принцип, который требует согласования конфликтующих между собой конституционных прав частных лиц и противостоящих им публичных ценностей. В современной доктрине и судебной практике обычно выделяется 3–4 элемента данного принципа, в том числе требования легитимной цели, пригодности, необходимости и баланса интересов [68]. При этом абстрактность текста любого Основного закона не позволяет полагаться исключительно на формально-догматический подход в анализе принципа соразмерности. Неизбежное усмотрение конституционных судей, особенно на стадии взвешивания частных и публичных интересов, определяет внимание к внеюрисдикционным аспектам соразмерности.

Восприятие данного принципа в конституционном праве России и практике Конституционного Суда РФ является ярким примером миграции идей в современном глобальном конституционализме. При этом сравнительно-правовой анализ конституционного принципа соразмерности невозможен вне междисциплинарного подхода. В этой связи можно согласиться с профессором Гумбольдтского университета г. Берлина А. Бланкенагелем в том, что сравнительное конституционное право «по своей сути имеет междисциплинарный характер!» [4, с. 52]. В процессе заимствования конституционного принципа соразмерности нужно учитывать ряд внеюрисдикционных факторов современного российского права (социалистическую традицию, политическую идеологию, особенности аргументации, отношение в обществе к коллективным интересам и др.). Поэтому без должного учета социального контекста нельзя понять модель соразмерности, которая сложилась в конкретном правовом порядке.

Междисциплинарный подход в анализе соразмерности находит применение в практике отечественного конституционного правосудия. Так, Конституционный Суд РФ иногда обосновывает собственные выводы ссылкой на социальные последствия законодательного ограничения конституционных прав, в том числе права на свободу и личную неприкосновенность (постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П¹, Определение от 15 мая 2002 г. № 164-О²); свободы совести (определение от 9 апреля 2002 г. № 113-О³); права на жилище (постановление от 15 июня 2006 г. № 6-П)⁴, права на пенсионное обеспечение (постановление от 14 января 2016 г. № 1-П⁵).

Оценка Конституционным Судом РФ неюридических последствий имеет значение для исполнения его решений в случае выявления законодательного пробела в конкретном деле. Так, в постановлении от 13 июня 1996 г. № 14-П подчеркивалось, что в результате признания оспариваемой нормы неконституционной не исключены «определенные отрицательные социальные последствия, Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым использовать процедуру отсрочки исполнения решения по настоящему делу, с тем чтобы законодатель в надлежащий срок принял меры, обеспечивающие баланс интересов правосудия и прав граждан»⁶. Данный пример хорошо демонстрирует реализм стража российской конституции в учете социальных последствий своих решений и их взаимосвязь с достижением баланса интересов, а значит, соблюдением принципа соразмерности.

Следовательно, конституционная юстиция не находится в позитивистском «вакууме». Конституционные судьи признают наряду с законоположениями их широкий внеюрисдикционный контекст современного общества. Учет Конституционным Судом РФ социальных и иных неправовых факторов можно условно обозначить как междисциплинарный способ толкования конституционных норм. Далее следует рассмотреть систему междисциплинарных аспектов принципа соразмерности.

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30, ст. 4660.

² Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.

³ Там же. 2002. № 6.

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26, ст. 2876.

⁵ Там же. 2016. № 4, ст. 551.

⁶ Там же. 1996. № 26, ст. 3185.

Основное содержание

Идея соразмерности проявляется в самых разных областях человеческой и общественной жизни. Из всего этого разнообразия можно останвится лишь на отдельных научных дисциплинах. В рамках представленной работы система междисциплинарных аспектов соразмерности основывается на универсальной десятичной классификации (УДК)¹. Соответственно первая группа дисциплин (философия, логика, психология и этика) имеет фундаментальное значение для уяснения природы конституционного принципа соразмерности. Вторая группа представлена языкознанием, достижения которого имеют прикладное значение в толковании конституционных норм. В третьем разделе используются результаты ряда общественных наук (экономики, социологии и политологии) с точки зрения возможности согласования частных и публичных интересов как ключевого элемента конституционного принципа соразмерности.

1. Философия, логика, психология и этика

1.1. Философия

Для понимания соразмерности в конституционализме можно обратиться к философской категории «мера». Конечно, ее наиболее релевантной сферой использования будет философия и теория права [16]. В конституционализме категория «мера» традиционно связывается с понятием субъективного права. Именно господство диалектики в советской науке определило сохраняющееся отождествление категории «субъективное право» с мерой возможного поведения лица. На этом фоне рассматриваемая философская категория отчасти позволяет решить проблему отсутствия напрямую в тексте Конституции РФ понятия соразмерности. Сдержанный в части 3 статьи 55 термин «мера» служит нормативным основанием для использования соразмерности в качестве конституционного принципа.

Для анализа принципа соразмерности особый смысл приобретает взаимосвязь количест-

венных и качественных характеристик в философском понятии меры. Так, еще в советской материалистической диалектике мера обозначалась как «определенное соединение качественных и количественных характеристик предмета, посредством которого этот предмет может быть измерен» [19, с. 389]. Это определение позволяет выделить количественный, качественный и нормативный аспекты философского понятия меры. Оно применимо к вопросам защиты конституционных прав.

Так, в оценке обжалуемых заявителем в порядке конституционного судопроизводства законоположений часто выделяются количественные (срок, размер и т. д.), качественные (интенсивность вмешательства с учетом значимости конституционного права) и нормативные характеристики (собственно эталон или критерий). Принцип соразмерности в этой системе выступает в качестве эталона качественно-количественной определенности вмешательств в конституционные права в форме законов или иных актов, которые могут выступать предметом обжалования в конституционном судопроизводстве.

Упрощенно понятие меры можно выразить в трех моделях, которые отличаются разным качеством соблюдения конституционного принципа соразмерности в зависимости от изменения количественных характеристик. Условно диапазон такой меры меняется от минимального количества 0 % (отсутствие конституционных прав) до максимального – 100 % (неограниченные конституционные права). Первая модель фиксирует одну крайность и условно может быть обозначена как «рабство», когда права у лица полностью отсутствуют, частные интересы не уважаются, а устанавливается абсолютный приоритет общего блага. Вторая модель выражает другую крайность и может именоваться как «анархия». В условиях этой модели свободы частных лиц, являясь практически безграничными, осуществляются без учета общих интересов. Третья умеренная модель («золотая середина») характеризует оптимальное качество, при котором права частных лиц соблюдаются, не исключая при этом необходимость их ограничения, поскольку публичные интересы также важны.

Диалектическое понимание меры важно для осмысления процесса развития конститу-

¹ См.: *О введении в действие ГОСТ 7.90-2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Универсальная десятичная классификация. Структура, правила ведения и индексирования: приказ Ростехрегулирования от 31 окт. 2007 г. № 288-ст.* М.: Стандартинформ, 2008.

ционализма в целом. Соблюдение законодателем и иными органами власти принципа соразмерности обеспечивает оптимальное развитие, отражая переход на более цивилизованную ступень эволюции правопорядка. Напротив, если законодатель избыточно вмешивается в основополагающие права, а конституционная юстиция неспособна противостоять такой чрезмерности, правовая система деградирует. История демонстрирует множество примеров, когда в полном соответствии с правилами диалектического развития количество чрезмерных государственных мер («драконовских» законов или «закручивания гаек» исполнительной властью) переходит в новое качество (авторитаризм, тоталитаризм) или фактически происходит реакция («новое» средневековье). Возможна и обратная диалектическая закономерность, когда радикальное понимание соразмерности несет в себе угрозу злоупотреблений конституционными правами (легализация наркотических средств, либерализация продажи огнестрельного оружия и т. д.). Поэтому в конституционном судопроизводстве при оценке вмешательства в конституционные права в конкретном деле полезно рассматривать их с учетом всей системы предыдущих законодательных мер. Иначе правоограничивающие меры, которые разрабатываются законодателем в несколько этапов и при изолированной оценке кажутся незначительными, в конечном итоге обуславливают переход конституционных прав в иное качество, угрожая выхолащиванием их сущностного содержания (ядра). Такие философские представления о мере тесно взаимосвязаны с логикой.

1.2. Логика

Логика находится в основе догматического подхода в юриспруденции. Поэтому здесь противопоставление с междисциплинарностью условно. Одни аспекты логики уточняют саму сущность соразмерности в конституционном праве, находя в юриспруденции отражение понятий как элемента догматического подхода. Так, в логике соразмерность используется для установления отношения между двумя суждениями. Наряду со сравниваемыми суждениями необходим еще масштаб, позволяющий проводить сравнение. В этой связи справедливо мнение немецкого юриста Михаеля Якобса [Michael Jakobs] о том, что «понятие соразмер-

ности как минимум имеет предпосылкой три элемента: первую меру; вторую меру, в сравнении с которой происходит взвешивание, а также критерий (масштаб оценки)» [45, S. 13]. Поэтому подходы формальной логики можно использовать в мыслительной реконструкции процесса взвешивания интересов. Этот прием судейской техники предполагает сравнение одной переменной величины (публичного интереса) со второй переменной величиной (конституционного права частного лица) с точки зрения критерия (собственно многостадийной проверки на соблюдение принципа соразмерности).

Исходя из междисциплинарного подхода логика все же полезна для разграничения приемов юридической квалификации и взвешивания интересов. В рассматриваемой научной дисциплине разработано правило о соразмерности дефиниций. Согласно этому правилу «объем определяемого понятия должен совпадать с объемом определяющего; они должны быть равнозначными понятиями. Соразмерность легко проверяется через перестановку мест членов определительного суждения» [12, с. 39]. Такой подход позволяет увидеть взаимосвязь балансирования как центрального элемента соразмерности с логическим приемом субсумции (от лат. sub-sum – быть подчиненным). Это понятие означает подчинение видового понятия родовому, а сам процесс такого подчинения определяют глаголом «субсумировать». Данный термин имеет широкое распространение в германоязычной юридической методологии [65]. В англоязычной правовой доктрине похожий феномен обозначают понятием категоризации [66]. Данным терминам в отечественной теории права близок общетеоретический феномен юридической квалификации. В таком контексте субсумция предполагает соотнесение языкового смысла конституционной нормы (родовое понятие) с фактическими обстоятельствами конкретного дела (видовое понятие).

Разницу субсумции и балансирования можно показать на примере дела о прослушивании телефонных переговоров «наркодилеров» (определение от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О)¹. В частности, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «преступное деяние не относится к сфере

¹ Конституционный Суд РФ: [официальный сайт]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18697.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).

частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия, а потому проведение таких оперативно-розыскных мероприятий не может рассматриваться как нарушение конституционных прав, предусмотренных статьей 24 Конституции Российской Федерации». В данном случае Конституционный Суд РФ отказывается подчинять (субсумировать) видовые объекты (информацию о преступном деянии) родовому понятию права на информацию о частной жизни. В приведенном деле не соблюдаются правила формальной логики о соразмерности понятий. Ведь нарушается соответствие между конституционной дефиницией (информации о частной жизни) и дефицитом определяемого явления (телефонные переговоры о преступном деянии).

При этом субсумция охватывается стадией толкования нормативного содержания конституционного права, т. е. осуществляется до проверки судом соразмерности. Использование такого приема не позволяет перейти к следующим этапам разбирательства в Конституционном Суде РФ. Соответственно заявитель не сможет добиться оценки соразмерности вмешательства его прав в порядке конституционного судопроизводства. Фактически уже на стадии допустимости конституционной жалобы проводится взвешивание конфликтующих публичных и частных интересов. С одной стороны, повышается вес общественно значимой цели пресечения преступных деяний, а с другой стороны, придается низкий вес частной жизни наркодилеров. Такой прием скрытого взвешивания ценностей на начальном этапе конституционного судопроизводства, возможно, оправдан процессуальной экономией. Однако он деструктивен, поскольку позволяет фактически не рассматривать конституционно-правовую проблему по существу, решая ее процессуальными способами.

1.3. Психология

Несомненна взаимосвязь идеи соразмерности с психологией. Хотя в российском правоведении значительное внимание уделяется психологической теории права Л. И. Петражицкого [55], лишь редкие исследователи фокусируются на прикладных проблемах судебного толкования права и отдельных элементах принципа соразмерности [30]. В последнем случае следу-

ет поддержать правильное направление развития юриспруденции, когда результаты фундаментальных исследований увязываются с потребностями конкретной отрасли права или судебной практики.

Психологическая школа права позволяет обратить внимание на ряд конституционных проблем. Так, психология человеческой личности должна учитываться в процесс правотворчества, включая регулирование конституционных признаваемых прав. Условно можно говорить об оценке регулирующего воздействия с точки зрения психологии. Можно согласиться с рассуждениями С. В. Васильевой о том, что «человек живет в своих интересах. Хорошо, если его эгоистический интерес соразмеряется с общественно полезным интересом. А если нет, то что может делать право: гасить эти эгоистические интересы или учить соразмерять их с общим интересом? И здесь важно в правовом регулировании учитывать знания смежной науки: психологии. Совсем гасить эгоистический интерес нельзя, потому что это чревато для психики личности... не доверяйте созданию закона любому человеку, который хочет провести в нем только свои эгоистические интересы» [6, с. 119]. Конечно, лоббирование эгоистических или даже групповых интересов в представительных органах власти кажется предосудительным с точки зрения высоких публичных задач. Однако верно и то, что правотворчество представляет собой уравнивание разных эгоистических интересов.

Психология также приобретает прикладное значение в оценке механизма принятия решений отдельными конституционными судьями. Причем влияние установок судей наиболее очевидно в делах о защите конституционных прав, включая их взвешивание с противоречащими публичными интересами. Психологические аспекты занимают центральное место в доктрине судейского поведения (от англ. — Judicial Behavior). Она получила значительную разработку в англоязычной юриспруденции, где изданы даже учебники по данной тематике [54]. Попытка исследования вопросов психологии в конституционном судопроизводстве уже предпринята в постсоветской юриспруденции [11]. В России также появляются общие работы, посвященные судейской психологии [13].

К сожалению, такие исследования пока проводятся преимущественно социологами и, видимо, не интересуют юристов. Также проведенный анализ ограничен общими судами и не касается конституционной юстиции. В то же время в этих прикладных исследованиях делается убедительный вывод о том, что изоляция судьи в процессе принятия решения является ложной абстракцией. Вместо нее необходимо представлять «вполне живого судью, обладающего материальными и карьерными интересами, статусными амбициями, имеющего пол, биографию и предшествующий опыт, включенного в социальные сети, работающего в контексте иерархической организации и подчиненного властным воздействиям в этой организации, находящегося в институциональной среде, где его или ее действия оцениваются и эта оценка имеет ощутимые последствия» [13, с. 4–5].

Более того, в США распространен подход, согласно которому судьи Верховного Суда в соответствии с их идеологическими убеждениями и политическим уклоном делятся на либералов и консерваторов [62]. Этот подход основан на количественном анализе результатов голосования в разных судах [56]. В таких исследованиях учитываются фактор влияния на процесс принятия решений индивидуальных особенностей судей (раса, пол, возраст, религиозные убеждения, социально-экономическое происхождение и т. д.) и в целом их прежний опыт (образование, профессия, политическая деятельность и т. д.) [40]. Эти обстоятельства объясняют психологию и поведение судьи.

Конечно, при заимствовании приведенных подходов нужно учитывать особенности отечественной правовой традиции. В постсоветском правоведении схожие исследования, казалось бы, имеют незначительный смысл. Ведь они якобы являются исключительно психологическими или социологическими по своей природе, но не связаны прямо с юридической материей. Формально правосудие должно обладать независимостью, а судьи Конституционного Суда РФ и вовсе связаны только Конституцией¹, но никак не своими психологическими или

иными установками. В России изучение психологического поведения судьи прямо не будет касаться области «чистой» юриспруденции. Например, рядовые по меркам психологии и социологии методы интервьюирования вызывают критику даже со стороны либерально настроенных молодых юристов. Так, С. Голубок в рецензии на книгу А. Л. Буркова «Конвенция о защите прав человека в судах России» (2010 г.), содержащей результаты интервью с чиновниками и судьями Свердловской области, едко предлагает к ее названию добавить фразу: «и разговоры о ней [Конвенции] с некоторыми свердловскими судьями и практикующими юристами» [9, с. 173–174]. Интервью еще предстоит занять достойное место в юридической методологии. Вряд ли стоит оспаривать ценность этого метода как такового. Да и сам указанный рецензент приходит к заключению, что «эмпирической основой таких исследований должны стать судебные решения российских судов либо репрезентативная выборка, основанная на ясных исследовательских методах» [9, с. 174].

Распространению психологической методологии в российском правоведении препятствует доминирование позитивизма. Использование количественных и других междисциплинарных методов считается неуместным в силу академических конвенций для традиционной юридической науки. Именно поэтому некоторые российские ученые в целом резко критикуют методологию социальных наук в правоведении, считая их глобальной угрозой догматической науки [8]. Позитивизм и якобы формальное отношение судьи особенно в «сложных» делах является психологически удобным средством ухода от политико-правовых проблем. Можно согласиться с мнением А. Г. Карапетова о том, что позитивизм «куда более безопасен для юристов и правотворцев. Всегда намного проще проводить в жизнь свои идеи, в реальности основанные на собственных представлениях о справедливости и комплексе утилитарных соображений, оформляя аргументацию в качестве идеологически нейтральных дедукций из неких непреложных аксиом, даже

¹ Предусмотренные Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» принцип независимости деятельности Конституционного Суда РФ

(ст. 5) и вытекающее из присяги требование о подчинении судьи Конституционного Суда РФ исключительно «Конституции РФ, ничему и никому более» (ст. 10) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

если они на самом деле никакие не аксиомы и отсылки к ним носят чисто фиктивный характер... Куда сложнее честно раскрывать истинную политико-правовую подоплеку принимаемых решений или выдвигаемых предложений, тем самым демонстрируя их рукотворность и неизбежно вскрывая их имманентный субъективизм» [14, с. 18–19]. Интересно, что в специальном исследовании судейской культуры в Центральной и Восточной Европе гиперформализм рассматривается в качестве признака сохраняющейся социалистической традиции. Именно такой подход, по оценке чешского исследователя Зденека Кюна [Zdeněk Kühn], нивелировал прикладное значение принципов и норм, не имевших текстуального закрепления. «Правовые принципы, если они прямо не закреплены в преамбулах социалистических конституций или кодексов или, по крайней мере, не вытекают из законов, не были частью социалистического права... Не было никаких неписаных принципов права. Даже если бы такие принципы существовали, они никогда не стали бы обязательными в системе писаного социалистического права» [47, р. 541]. Следовательно, с психологической точки зрения и ввиду господства позитивизма восприятие принципа соразмерности, не имеющего четкого текстуального закрепления, для правоприменителей будет затруднено.

В отношении конституционной юстиции поведение судьи зависит от процедуры назначения, личных убеждений, прежнего общественного, политического или профессионального опыта. Косвенно такие характеристики влияют на самоограничение (активность) в процессе принятия единогласного решения большинством конституционных судей. При выражении судьей особого мнения взвешивание конфликтующих частных и публичных интересов и вовсе происходит непосредственно. С точки зрения принципа соразмерности в конституционном судопроизводстве особенно актуальны сохраняющаяся социалистическая традиция или либеральные взгляды в отношении ключевых проблем, возникающих в делах о защите конституционных прав. Наконец, психология предопределяет этическую оценку соразмерности решений законодателя и иных органов власти.

1.4. Этика

Понимание соразмерности в конституционном праве невозможно вне представлений этики об умеренности как одной из кардинальных человеческих добродетелей. Она предполагает срединный выбор («золотое правило») в поступках и путь к гармоничной жизни. Умеренность также тесно связана с рассудительностью. Эта добродетель требует соблюдения разумной меры между удовольствиями и аскетизмом. Эти этические понятия можно применить к области принятия законодательных решений, посягающих на человеческую свободу. Умеренным будет тот представительный орган, который следует срединным путем и выбирает решение между двумя крайностями: чрезмерной вмешательством в частную автономию и абсолютной пассивностью в удовлетворении действительно значимых общественных нужд. Пренебрежение умеренностью в деятельности административных органов чревато неэффективностью или условным «закручиванием гаек». Крайности в выборе средств не позволяют достичь оптимального результата правового регулирования.

Умеренность также находится в основе диалога конституционной юстиции с законодателем (отчасти административными органами) и иными судами. Выбирая между крайними моделями судейского поведения (самоограничением или активизмом), конституционный судья пытается балансировать во взаимоотношениях с «политическими» органами или другими судами. Причем выбор той или иной стратегии нередко зависит от позиции законодателя (его длительная пассивность обуславливает более интенсивный конституционный контроль) или предметной области (вопросы обороны или внешней политики требуют значительного уважения со стороны суда). Вместе с тем срединный путь иногда чреват аморальной нейтральностью, а попытка искусственного синтезирования в конституционном судопроизводстве противоположенных этических подходов может подрывать предсказуемость судейского поведения. Последний фактор влияет не только на итоговые решения по конкретному делу, но и на независимость конституционного правосудия в целом.

2. Языкознание

Достижения языкознания важны в процессе буквального (грамматического) толкования конституционных прав. Из всего междисциплинарного арсенала рассматриваемый методологический прием не кажется чуждым для традиционной юриспруденции и чаще всего используется в практике конституционного правосудия. Вместе с тем именно языкознание помогает более глубоко уяснить содержание и сущность принципа соразмерности в конституционализме.

С точки зрения морфологии соразмерность является существительным, описывающим качество (состояние) предмета или явления. В толковом словаре рассматриваемый термин определяется в качестве соответствия «между чем-либо по размерам, величине, качеству, достоинству и т. п.» [18, с. 657]. Причем в таком определении соразмерность отождествляется, с одной стороны, с соответствием, которое является наиболее близким синонимом для рассматриваемого понятия, с другой стороны, с мерилем, т.е. неким средством оценки явлений и предметов. В последнем случае похожий вывод следует из анализа происхождения однокоренного существительного мера, который используется в части 3 статьи 55 Конституции РФ. По данным этимологического словаря мера обозначала русскую народную единицу измерения («сосуд для измерения сыпучих тел, вмещающий количество, равное этой единице емкости») [33, с. 508]. Здесь мерило (масштаб) одновременно означает количество взвешиваемого. Интересно, что рассматриваемая коренная основа понятия соразмерности совпадает по другому значению в праславянских языках (мѣра, мирь) с древнеиндийским термином (mātrā, mītrā), который обозначает, в свою очередь, мир, союз, договор [33, с. 508]. В плане этимологии соразмерность показывает возможность использования данного понятия для обозначения процесса согласования какие-либо условий и их результат, т.е. мирное урегулирование конфликтующих интересов. Кроме того, мера соотносится со словом «мир» как устройства сельской общины. Последнее же отождествляется со «всем светом, обществом» и производно от таких категорий, как «согласие, любовный союз, дружба», или используется

для описания гармоничного состояния («успокоиться, хранить спокойствие») [32, с. 37].

Смысл анализируемого конституционного принципа также может быть раскрыт через прилагательное «соразмерный». Так, по описанию В. Даля, соразмерный определяется как «соответственный, приличный по размерам своим, что впору, кстати, идет, годно, согласно с потребностями и вкусом» [10, с. 274]. Современный толковый словарь похожим образом описывает прилагательное «соразмерный» как «соответствующий какой-либо мере по величине, размерам или обладающий правильным (пропорциональным) соотношением частей, т.е. находящийся в согласии с каким-либо мерилем» [5, с. 1237].

Наконец, соразмерность можно определить исходя из смысла соответствующего глагола. В толковом словаре В. Даля однокоренной глагол «соразмерить» определяется как «согласовать, сверстывать, приравливать, уравнивать по количеству или по качеству, применять и применяться или уравнивать» [10, с. 274]. Сейчас лингвисты интерпретируют этот глагол аналогично: «установить соответствие или привести в соответствие с чем-либо по величине, размерам» [5, с. 1237]. Тем самым с учетом языкового значения под соразмерностью следует понимать определенное качественное состояние нормативного содержания конституционных прав в результате их взвешивания (соотнесения) с количественными показателями мероприятий государственной власти по достижению публичных целей исходя из заданного масштаба конституционности.

Лучшему пониманию самого рассматриваемого феномена и его частных проявлений служит выяснение синонимов слова «соразмерность». Справочные издания в качестве его синонимов называют «соответствие» и «пропорциональность» [2, с. 473]. В других специальных изданиях приводится более широкий ряд синонимов для соразмерности: «соответствие, сообразность, гармония, созвучность, адекватность, пропорциональность» [26, с. 432].

Исходя из практики Конституционного Суда РФ для понятия соразмерности наибольший интерес представляет такой синоним, как соответствие. Это слово является наиболее близким по значению, в нем заложена главная отличительная черта исследуемого конститу-

ционного принципа. Ведь для достижения качества соразмерности необходимо осуществить соотнесение между двумя явлениями или предметами. Кроме того, в основе категории «конституционность» также лежит понятие соответствия между предписаниями Конституции как контрольным масштабом и проверяемыми нормами законов и иных объектов конституционного судебного нормоконтроля. С этих позиций можно обратиться к научным дисциплинам, которые имеют более прикладное значение в судебном взвешивании частных и публичных интересов.

3. Экономика, социология и политология

3.1. Экономика

В отечественной экономической науке термин «соразмерность» (пропорциональность) отождествляется с соблюдением «пропорций, рациональных структурных соотношений в экономике, согласованного развития отраслей, сфер, регионов» [28, с. 335]. В этой дисциплине также широко используется родственное понятие экономического равновесия. По мнению Мюррея Милгейта [Murray Milgate], анализ равновесия (от англ. Equilibrium) является «основой, на которой экономическая теория была в состоянии создать пусть и незначительные претензии для своего “научного” статуса» [50, р. 3851]. По оценке научного сотрудника Колледжа Квинса в Кембриджском университете, равновесие не просто «стало центральной организующей категорией, вокруг которой должна была строиться экономическая теория», но не менее примечательно, что «формальное введение этой концепции в экономическую науку ассоциируется с теми самыми авторами, чьи имена тесно связаны с закладыванием основ — “этой науки”» [50, р. 3853].

Так, в трудах одного из основоположников экономической теории Адама Смита, который известен своей идеей «невидимой руки», фактически было обосновано стремление общества к равновесию с учетом естественных экономических условий. Одним из таких условий выступает естественная цена, которая «... как бы представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высо-

ком уровне, а иногда понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему» [27, с. 112]. Другой классик экономической мысли Дж. Ст. Милль видел в равновесии прежде всего статическое состояние, отличая его от движущих сил экономической системы: «Нам предстоит еще рассмотреть экономические условия человеческого общества, подверженного изменениям, тем самым мы дополним нашу теорию равновесия теорией движения, дополним раздел “Статика” политической экономии разделом “Динамика”» [20, с. 7].

Исходя из таких общетеоретических представлений экономическое равновесие можно обнаружить в различных сферах экономической системы [53]. С точки зрения микроэкономики рыночное равновесие определяется как равновесие между спросом и предложением. Аналогичным образом равновесие также считается основой макроэкономических моделей. В области финансов равновесие состоит в согласовании требований реальных (производительные) активов и капиталом предприятия. Для менеджмента равновесие предопределяет процесс принятия управленческого решения, оптимальность которого зависит от взвешивания объективных и субъективных факторов, положительных и негативных сторон. Причем наиболее применим в экономическом анализе права управленческий по своей природе процесс анализа выгод и издержек (от англ. Cost-benefit analysis) [37; 51; 59]. Суть данного инструментального подхода состоит в установлении стоимости выгод и издержек, а также их сравнения в отношении определенной деятельности, чаще всего экономической. Конечной целью такого анализа является достижение оптимального равновесия выгод и издержек. Несомненным достоинством анализа выгод и издержек с точки зрения конституционного судопроизводства выступает приведение различной экономической и социальной деятельности к общему знаменателю, позволяющему более точно уравнивать конфликтующие интересы. Например, при оценке законодательного или административного регулирования зачастую не проводится оценка их экономических последствий, которые с точки зрения рассматриваемого подхода поддаются измерению.

Такой инструментальный подход получил широкую поддержку в юриспруденции среди сторонников школы «право и экономика». Ее наиболее ярким представителем является Ричард Познер [Richard Posner]. Этот американский юрист основывается в своих рассуждениях на теореме Рональда Коуза [Ronald Coase] [36], которая в упрощенной форме представлена Р. Познером следующим образом: если транзакции (понимаемые в качестве любой деятельности, влияющей на использование ресурсов) были бы лишены издержек, то первоначальное распределение прав собственности не влияло бы на окончательный способ использования собственности [57, pp. 6–7]. Фактически такая трактовка предполагает минимизацию внешних по отношению к экономической системе факторов (экстерналий, например, государственного вмешательства), за счет чего участники рыночных отношений достигают равновесного состояния. Подобные подходы Р. Познера базируются на понятии эффективности, которое считается для экономического анализа права важным этическим критерием принятия решения, в том числе государственной политики по распределению ресурсов. Причем понятие эффективности исходит из отождествления человека с рациональным максимизатором своих жизненных устремлений и личной выгоды [57, p. 12].

С точки зрения Р. Познера, социальные издержки (например, передача ресурсов через налогообложение от богатому к бедному) уменьшают богатство общества, тогда как частные издержки связаны лишь с перераспределением этого богатства [57, p. 7]. Применительно к принципу соразмерности такой подход отдает в силу минимальности издержек предпочтение области частноправовых отношений, где общее богатство увеличивается или только перераспределяется. Напротив, исходя из высоких издержек общее богатство сокращается при распределении публичных ресурсов, которое соответственно должно быть минимизировано.

Данная методология была подвергнута вполне обоснованной критике со стороны представителей моральной философии права [38] и сторонников критических юридических исследований [46]. Так, критикуя наиболее радикальных представителей школы экономического анализа права, Дункан Кеннеди [Duncan

Kennedy] указывает на несостоятельность этой методологии в претензии на универсальное применение во всем правовом порядке. Такой способ принятия решений судьями, законодателями и управленцами о согласовании выгод и потерь всех заинтересованных сторон при всей своей кажущейся нейтральности неизбежно предполагает противоречивый моральный выбор [46, pp. 387–388]. Кроме того, по мнению профессора Гарвардской школы права, представленная методология не учитывает критерий «дистрибутивной справедливости, который должен обуславливать несогласие с диктатом эффективности в конкретных делах или направлять наш выбор, если существуют более чем одно эффективное решение» [46, p. 388]. Распространяя такую критику на область конституционных прав, можно увидеть, что иногда принятое в рамках рассматриваемой методологии наиболее выгодное для обеих сторон решение в действительности компенсируется издержками третьих сторон. В последнем случае речь может идти о вреде экологическим или социальным интересам. В итоге действительно равновесное решение будет предполагать такой результат взаимодействия элементов экономической системы, когда эти элементы находятся в точке оптимального состояния. Однако при принятии соразмерного решения должны учитываться его социальные последствия в отношении внешних для экономики, но не менее значимых интересов.

Подходы школы экономического анализа права неоднозначно восприняты в российской юриспруденции. С одной стороны, представители отечественной теории права находят рассматриваемую методологию хотя и любопытной, но попросту неприменимой в российском правовом порядке [3]. Еще более радикальной выглядит критика данной методологии отдельными российскими цивилистами. Например, профессор Высшей школы экономики А. Я. Курбатов считает заимствование методологии экономического анализа права формой «насаждения подходов, характерных для системы общего права (англосаксонской правовой семьи)» [17, с. 115]. Во многом такая авторская критика касается более общих вопросов юрисдикции Конституционного Суда РФ, которые проявляются при использовании элементов экономического анализа права (заимствование иностран-

ного правового опыта, фактическое нормотворчество под видом судебной деятельности и т.д.). Собственно, методология экономического анализа кажется опасной скорее в силу ее непривычности для отечественных условий.

Школа «право и экономика» приобрела широкую поддержку в российской цивилистике, а в государственоведении определила распространение доктрины конституционной экономики. По мнению одного из лидеров этого научного направления Г. А. Гаджиева, основным предметом конституционной экономики выступают «общественные отношения, возникающие при вмешательстве публичной власти в частную экономическую деятельность. При этом пределы для регулирования экономических отношений со стороны публичной власти задаются такими важнейшими для конституционного права принципами, как правовое государство, пропорциональность и соразмерность» [7, с. 39]. Таким образом, с точки зрения конституционной экономики соразмерность представляет собой один из центральных принципов и средств поддержания равновесия в хозяйственной жизни.

Такие подходы данной научной школы по отношению к соразмерности уже были использованы Конституционным Судом РФ в оценке вмешательства государства в экономическую сферу [29]. Например, согласно постановлению от 16 июля 2008 г. № 9-П, «вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»¹. Тем самым нахождение в конституционном судопроизводстве равновесия между вмешательством в экономические свободы и защитой иных социальных ценностей является неотъемлемым условием устойчивого развития.

Важной сферой применения принципа соразмерности в практике конституционного правосудия выступает анализ выгод и издержек.

Подчеркивая неспособность экономики разрешить любые юридические проблемы, М.И. Одинцова считает такой междисциплинарный подход пригодным лишь при определенной постановке проблемы. По мнению российского ученого, «экономист сравнивает два альтернативных правовых решения, с точки зрения соотношения их выгод и издержек, и можно сказать, что на чаши весов он кладет альтернативные правовые нормы, но их веса определяются соотношением издержек и выгод, возникающих при каждом из альтернативных правовых решений. Наибольший вес получает та правовая норма, которая эффективна или для которой соотношение издержек и выгод складывается в пользу последних» [21, с. 224]. Тем самым подобный междисциплинарный анализ может использоваться конституционной юстицией преимущественно на стадии проверки пригодности и необходимости как элементов принципа соразмерности. Здесь, с одной стороны, происходит взвешивание выгод от достижения публичных целей, а с другой стороны, осуществляется оценка издержек, которые несут частные лица в результате вмешательства в их конституционные права.

3.2. Социология

Так же как и в экономике, в социологии идея соразмерности выражается в концепции равновесия (от англ. Equilibrium) как согласованности отдельных элементов социальной системы. Авторы британского социологического словаря следующим образом определяют данную концепцию: «социальные системы находятся в состоянии равновесия тогда, когда действующие в них силы сбалансированы, вследствие чего эти общества являются стабильными» [1, с. 375]. Тем самым уже из элементарных представлений о социальном равновесии можно заключить, что согласование интересов различных социальных групп является основой порядка в обществе. Игнорирование необходимости такого согласования ведет к неустойчивости в развитии общества, а в крайних случаях может провоцировать социальные революции.

Идея равновесия была обстоятельно разработана в трудах Толкотта Парсонса [Talcott Parsons]. Под социальным равновесием классик американской социологии понимал определенное состояние общества как системы, при котором согласованное взаимодействие ее частей обеспечивает порядок и равновесие. «Наиболее

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 30, ч. 2, ст. 3695.

общим и основным свойством системы, – в представлениях Т. Парсонса, – служит взаимозависимость частей и переменных. Взаимозависимость заключается в существовании детерминированных отношений между частями или переменными в противовес случайному непостоянству. Другими словами, взаимозависимость – это порядок в отношениях между входящими в систему компонентами. Этот порядок должен обладать тенденцией к самоподдержанию, которое в весьма общих чертах выражается в понятии равновесия» [67, р. 107]. Поэтому общество, чтобы быть стабильной системой, неизбежно стремится к равновесию.

В учении Т. Парсонса средства социального контроля, мотивирующие акторов не совершать отклонений от ролевых ожиданий, противодействуют отклонениям в системе и представляют собой не что иное, как «механизм восстановления равновесия» [22, с. 309]. Именно в этом состоит динамический характер равновесия общества как системы, которая неизбежно стремится к такому состоянию и самоуравновешиванию.

Американский социолог придавал большое значение также коллективным представлениям и ценностным образцам в достижении равновесия общества. По его мнению, «именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени. И в этом контексте самодостаточность определяется степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов» [23, с. 21]. Вместе с тем консервативная система ценностей общества, объединяя его членов в единое целое, может со временем вступить в противоречие с изменяющимися социальными условиями и вести к социальному дисбалансу. Этот вывод хорошо демонстрирует сильная приверженность членов американского общества ценностям самообороны и конституционного права на оружие (Вторая поправка к Конституции США¹). Американское общество и правопорядок держится за явно архаичную

норму о самозащите граждан во второй поправке на фоне массовых случаев чрезмерного использования оружия. Это может быть объяснено не только устойчивостью паттернов социального поведения свободолюбивых колонистов, но и значительным распространением идеологии индивидуализма в американском обществе. Рациональные юридические аргументы и прагматизм здесь оказываются мало эффективными для установления социального равновесия. Поэтому достижение сбалансированного состояния общества, согласование интересов основных социальных групп в нем требуют серьезного учета традиции и сложившейся иерархии ценностей конкретного государства.

Становление социологии как самостоятельной дисциплины в XIX – XX веках определило появление школы юриспруденции интересов в Германии (от нем. *Interessenjurisprudenz*) [43; 64] и теории интересов в юридическом реализме США [58]. Критикуя юридическую догматику (в первую очередь юриспруденцию понятий) за оторванность от реальной жизни, эти теоретические направления предпочитали рассматривать право в качестве средства согласования социальных интересов. По мысли Филиппа Хека [Philipp Heck], особое значение это приобретает в интерпретационном процессе: ведь «правовые нормы обычно основаны на взвешивании рассматриваемых интересов, поэтому судья должен стремиться определить, какие конфликтующие интересы были затронуты в связи с принятием указанной нормы и какие из затронутых интересов, исходя из установленного в правовой норме равновесия, могут быть отброшены» [43, S. 94–95].

Похожие взгляды во многом под влиянием идей Рудольфа фон Иеринга ([Rudolf von Ihering]) были распространены в социологическом направлении дореволюционной философии права в России. Один из наиболее критически настроенных сторонников этой школы М. А. Рейснер противопоставлял уравновешенную социальную систему и классовое общество в условиях абсолютизма. «Государство, основанное на кастах, – пишет один из авторов первой советской конституции, – естественно, будет отличаться от организации, построенной на гармонии свободных общественных классов. Иным будет и обоснование власти, и правовая связь, и деятельность правительства в ее основ-

¹ См.: Билль о правах от 15 декабря 1791 г. [первые 10 поправок] // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / под ред. О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 40.

ных целях и средствах» [24, с. 81]. В этом сравнении, которое основано на идеи социального равновесия и противоречащего ему классового строя, можно обнаружить элементарные характеристики идеи соразмерности (обоснованность публичных целей, взаимосвязь целей и средств правительственной деятельности, социальная гармония как идеал).

Концепция социального равновесия получает косвенное отражение в действующей Конституции РФ. В соответствии с преамбулой многонациональный народ Российской Федерации с принятием Основного закона стремится утвердить не только наиболее фундаментальные права, но и «гражданский мир и согласие». Такое конституционное устремление достижимо за счет согласования разноплановых социальных интересов и обеспечения их оптимального состояния. Ведь с точки зрения лингвистики понятия меры и мира в русском языке являются родственными.

В нахождении общественного согласия основных социальных групп российские конституционалисты видят важнейшую функцию действующего Основного закона. По мнению судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова, глубинная сущность и сила Конституции состоит «в обеспечении хотя бы минимального баланса всех групп общественных запросов, такого баланса, который, даже не будучи во всем справедливым, удерживает людей от агрессивных способов отстаивания собственных интересов» [15, с. 15]. Такой взгляд на социальное равновесие в конституционализме предполагает, с одной стороны, достижение на практике минимально возможной, а не математически точной пропорции в согласуемых интересах. С другой стороны, законодательство и конституционное правосудие должны бороться лишь с крайними формами человеческого эгоизма. Полное исключение последних из демократического процесса на практике будет вести к ущемлению прав меньшинства. Если сегодня какие-то частные интересы кажутся простым эгоизмом, то завтра они способны овладеть целой социальной группой, еще вчера малочисленной. Для буржуазии XVIII–XIX веков интересы наемных рабочих были не более чем их личной прихотью. В современных условиях антиобщественная зависимость наркоманов, алкоголиков, курильщиков, игроманов и т. п., несомненно, требует приоритетного учета пуб-

личного интереса. В то же время «эгоизм» потребителей, предпринимателей, охотников, рыболовов, веганов, велосипедистов и других значительных социальных групп, напротив, обуславливают необходимость принятия законодательных мер, которые бы позволяли обеспечивать приоритет их частных или групповых интересов над общим благом. Отставание законодателя в оценке интересов малочисленных, но активных социальных групп (например, сельских жителей, горожан, провинциалов, жителей столичных городов) непосредственно влияет на результаты выборов и иные формы гражданских инициатив. Тем самым достижение в правотворчестве и правоприменении равновесия интересов отдельных членов общества выступает средством разрешения ключевых социальных проблем.

3.3. Политология

Значение, которое придают ценностям и установкам в достижении социального равновесия, позволяет обратить внимание на понятие соразмерности в политической науке. В монографическом исследовании этой темы предложено представление «о пропорциональности развития социально-политических систем как определенном стремлении их элементов к балансу, опорной точкой которого выступает опыт прежнего существования системы [и иные] ... моменты, которые, вопреки свойственным любой социально-политической системе противоречиям, заставляют ее стремиться к развитию, сбалансированному во всех своих проявлениях» [25, с. 4]. Отсюда пропорциональность в этой области знания отождествляется со стабильностью политической системы в целом.

Наряду с такой широкой трактовкой для понимания отечественной модели рассматриваемого конституционного принципа важной представляется взаимосвязь соразмерности с политической идеологией. В российской социально-политической системе идеология продолжает играть значительную роль. В настоящее время нельзя игнорировать взаимосвязь идеологии и соразмерности в практике конституционного правосудия.

Прежде всего это связано с социалистической традицией в праве. Коммунистическая идеология, которая господствовала более 70 лет во всех сферах нашего государства, переплеталась с идеей соразмерности. Провал коммунистического проекта означает утопичность не

только построения бесклассового общества, но и гармонии между интересами отдельной человеческой личности и всего общества в отдельной взятой стране. С точки зрения соразмерности левая идеология, полагая возможным симбиоз публичных и частных интересов, фактически допустила исключение последнего компонента в общественно-политической системе.

В то же время идея соразмерности изначально представляла собой инструмент либеральной идеологии. По сути, этот принцип направлен на создание юридических механизмов, предотвращающих произвол публичной власти. Более конкретно соразмерность препятствует принятию чрезмерных законов или произволу администрации и судов. Сейчас либеральная идеология не отвечает идеологическим ожиданиям большинства россиян. Такой концепт, пожалуй, популярен лишь среди незначительной части новой интеллигенции, иначе обозначаем в качестве творческого класса (от англ. *creative class* [39]). Несмотря на включенность новой социальной группы в глобальное мироустройство и активное формирование общественного мнения во многих странах, в России эта социальная группа пока не влиятельна в политической системе.

Либеральная идеология в целом не обладает широкой поддержкой в российском обществе и серьезно не сказывается на решениях, принимаемых большинством в российском парламенте. В то же время конституционализму имманентно присуща идея по установлению барьеров для публичной власти. Если ее принимать всерьез, а не отождествлять конституцию с рядовым законодательным актом, то требуется уравновесить противоположные идеологические установки. Решающее значение будет иметь не просто следование левой (социалистической, классической социал-демократии) или правой идеологии (консервативной, неолиберальной). С точки зрения соразмерности скорее важно место, которое отводит конкретная политическая идеология публичному интересу в законотворчестве, управлении и правосудии.

Здесь можно посмотреть на примеры государств, где публичным интересам в силу длительной традиции придается значительный вес. Так, Япония представляет собой не просто государство с глубокими синтоистскими традициями, но правовой порядок, при котором публичные интересы на конституционном уровне из-

начально превалирует над частным благом. В соответствии со статьей 12 Конституции Японии, основные права поддерживаются постоянными усилиями самих граждан, а «народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»¹. Здесь Конституция Японии на первое место ставит общественное благо, скорее напоминая гражданам о недопустимости злоупотребления своей свободой.

Среди прочего такой приоритет публичных интересов является одной из причин неуспешности конституционного контроля в Японии [48; 49]. Ведь законодательство и административная практика не способны стать предметом судебного конституционного контроля, когда носитель частного интереса пытается противопоставить себя всеобъемлющей отцовской заботе со стороны государства в духе синтоизма.

В любом правовом порядке, при котором суды исходят из презумпции значительного веса общего блага, частные интересы будут игнорироваться как неравноположенные ценности. Эта статисткая идеология, оправдывающая любое государственное вмешательство под видом высшего блага, не позволяет достичь равновесия публичного и частного в конституционном судопроизводстве. С таких позиций либеральная критика практики органов конституционного правосудия переходит из категории необходимой обратной связи в деятельность, граничащую с диссидентством или даже экстремизмом. При этом нельзя считать, что идеология судьи Конституционного Суда при сохранении формального нейтралитета и независимости является таковой на практике. Например, от заместителя председателя Конституционного Суда РФ, имеющего опыт исследований в области трудового права, вряд ли нужно ожидать либерального подхода в регулировании трудовых отношений². Это, напротив, выглядело странно. Идеологические взгляды определяют не только внутреннее убеждение судьи, как это предусмотрено в отношении основных видов

¹ См.: Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. // Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: Infotropic Media, 2012. С. 602–603.

² См.: Конституционный Суд РФ: [офиц. сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=12> (дата обращения: 01.02.2020).

судопроизводства в России¹, но и соответствующее этим убеждениям восприятие принципа соразмерности в конкретных делах. Несмотря на отсутствие соответствующей процессуальной нормы в конституционном судопроизводстве, вряд ли стоит высоким судьям запретить следовать их внутренним убеждениям в конкретных делах. В российских условиях недостатком является скорее отсутствие предсказуемости условного либерального судьи. В случае угрозы ценностям свободного рынка и автономии человеческой личности от него ожидается не апелляция к традиционным ценностям, но скрупулезная оценка противоречащего публичного интереса.

Такое судебское поведение должно уравниваться сторонниками левых взглядов. Именно им проще обнаружить под высокими государственными задачами скрытый корпоративный интерес или благо иного частного благополучателя. Не вызывает сомнения правильность вывода А. Г. Карапетова о том, что «претензия на идеологическую нейтральность нередко является всего лишь более или менее осознанным риторическим приемом, упрощающим убеждение оппонента. Часто же это банальный самообман, вызванный неотрефлексированностью собственных идеологических предпочтений или предубеждений. Следует помнить, что за каждой *prima facie* чисто технической дискуссией юристов скрываются некие более или менее важные политико-правовые ставки, идеологические или этические установки и экономические доктрины независимо от того, осознают это участники спора или нет. ... Ученый в современных условиях не может скрывать те глубокие идеологические (экономические, но также и этические, философские и иные) основания, из которых вытекают базовые юридические принципы, доктрины и идеи» [14, с. 19].

Конечно, с точки зрения соразмерности привлекательно желание синтезировать достоинства и недостатки левой и правой идеологии. В специальных исследованиях на тему соразмерности даже высказано мнение о ценности использования концепции третьего пути (от англ. Third Way) [52]. Идеология третьего пути или новой социал-демократии наиболее обстоятельно была выражена в работах [41; 42] английского социолога Энтони Гидденса [Anthony Giddens]. Среди сторонников идеи «третьего пути» оказался президент США Билл Клинтон [Bill Clinton], британский премьер-министр Тони Блэр [Tony Blair] и Федеральный канцлер Германии Герхард Шредер [Gerhard Schröder], которые для поддержки своих левых партий стремились приспособить классическую социал-демократическую идеологию к изменениям эпохи глобализации и новых вызовов. Интересно, что в совместном политическом манифесте лидеров британских и немецких социал-демократов рассматриваемая политическая идеология в немецком варианте обозначается понятием новой середины (от нем. die neue Mitte) [35]. Здесь можно обнаружить прямые коннотации с представлениями срединного пути в политической этике. Однако синтезированная и на первый взгляд «срединная» идеология на практике чревата перерождением в крайней радикализм. Не случайно в качестве третьей позиции (от англ. The Third Position [63]) обозначают отдельные формы фашизма и правового популизма, которые одновременно отрицают марксизм и капитализм. Кроме того, у синтезированной идеологии могут быть близкие, но имеющие важные нюансы наименования, например, «либеральный социализм» [44] или «социальный либерализм» [60; 61].

В конституционной теории подобные синтезированные подходы также нашли развитие. В одной из работ Питера Берковица [Peter Berkowitz] была сформулирована концепция конституционного консерватизма [34]. В качестве основы этой концепции рассматриваются общие принципы Конституции США, которые должны разделять консерваторы и либертарианцы. Профессор права Стэнфордского университета считает, что признание императивов конституционного консерватизма потребует от представителей противоположных идеологий политической умеренности, что выражается в

¹ См.: п. 1 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Там же. 2002. № 46, ст. 4532; ч. 1 ст. 84 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Там же. 2015. № 10, ст. 1391; ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 4.11.2019 г.) // Там же. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

балансировании конкурирующих, но одинаково важных принципов [34, pp. 21–22]. С учетом специфики американской политической системы срединный путь в политике в дополнение к классическим идеям либерализма или социализма (дерегулирование рынка, социальная защита, ставки налогообложения и др.) предполагает выделение нескольких базовых тем (миграции, глобализация международной торговли, протекционизм экономической политики, охрана окружающей среды и т.д.). Вокруг подобных проблем и должен осуществляться идеологический диалог в правотворческом процессе и конституционном судопроизводстве. Соответственно политическая соразмерность выражается в попытках достичь консенсуса между противоположными идеологическими установками по базовым конституционно-правовым проблемам. Кроме того, взаимосвязь сферы политики и принципа соразмерности обращает внимание на проблему диалога как формы взаимодействия конституционной юстиции с законодателем.

Результаты.

Взаимосвязь междисциплинарных аспектов соразмерности

В качестве результатов проведенного анализа необходимо подчеркнуть взаимосвязь отдельных аспектов междисциплинарного подхода в части применения конституционного принципа соразмерности. Так, идея об экономическом равновесии (по своей природе не олиберальная) и соответствующий ей метод экономического анализа права не могут быть успешно реализованы в случае игнорирования социологических представлений о равновесии между различными группами в обществе. Классический экономический либерализм со временем требует переосмысления. Так, в своей известной работе 1776 г. А. Смит обратил внимание на равновесие между прибылью и заработной платой: «В каждом обществе ... существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли ... Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами ... заработной платы рабочим и прибыли на капитал, товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене» [27, с. 109].

Вместе с тем сейчас подход к труду как товару неприемлем в силу осознания ценности интересов работника, а не только интересов предпринимателей. Это осознание после череды экономических кризисов получило непосредственное подтверждение членами Международной организации труда в Филадельфийской декларации 1944 г., в которой провозглашается, что «труд не является товаром» (п. «а»)¹. Поэтому для достижения экономического равновесия кроме собственно элементов хозяйственной системы необходимо учесть вес интересов «внешних» акторов, включая потребности значительной социальной группы наемных работников. Конфликт социологического и экономического аспектов идеи соразмерности требует поиска оптимального решения. Когда государство берет на себя непомерные социальные обязательства, теряется из виду ценность экономического развития. Чрезмерная государственная экспансия в хозяйственную жизнь не только провоцирует кризисы, но под прикрытием благого намерения выполнить собственные завышенные социальные обязательства массово умаляет конституционные права третьих лиц. Если же вмешательство в экономику слабое, то конституционные цели социальной государственности не достигаются и подвергается сомнению императив обеспечения достойного человеческого существования. Напротив, разумная умеренность неизбежного вмешательства государства в экономику обеспечивает устойчивый экономический рост.

Выводы

Обращение к междисциплинарным аспектам конституционного принципа соразмерности не отрицает ценности догматической юриспруденции. Скорее в силу сохраняющегося дефицита подобных исследований в российском конституционализме междисциплинарные и формально-юридические подходы здесь должны быть уравновешены.

¹ Декларация от 10 мая 1944 г. «Относительно целей и задач Международной Организации Труда», принята в г. Филадельфии на 26-й сессии Генеральной конференции МОТ [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / Н. Аберкромби. 2-е изд. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
3. Антонов М. В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 10–25.
4. Бланкенагель А. О скрытой пользе сравнительного правоведения и сравнительного конституционного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). С. 51–52.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
6. Васильева С. В. Не доверяйте созданию закона человеку, который хочет провести в нем только свои эгоистические интересы! // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений / под науч. ред. М. В. Вилисова, И. Ю. Колесник, М. Нетесова и др. М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 1–2. С. 116–119.
7. Гаджиев Г. А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 37–91.
8. Головкин Л. В. Правовая наука против social sciences: каким должен быть российский выбор? // Закон. 2014. № 12. С. 32–43.
9. Голубок С. А. Российское правосудие по европейским стандартам // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 172–174. Рец. на кн.: Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М.: Волтерс Клувер, 2010.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: Р–Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
11. Евсеев А. П. Психология конституционного судопроизводства: монография. Харьков: Юрайт, 2013. 230 с.
12. Ерышев А. А., Лукашевич Н. П., Сластенко Е. Ф. Логика. 3-е изд. Киев: МАУП, 2000. 184 с.
13. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. 368 с.
14. Каранетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
15. Кокотов А. Н. Конституция и общество: баланс интересов // Чиновник. 2003. № 6. С. 15–21.
16. Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
17. Курбатов А. Я. Конституционный суд РФ: проблемы с компетенцией требуют решения // Закон. 2011. № 8. С. 115–122.
18. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М.: Рус. яз., 2000. 831 с.
19. Лосев А. Мера // Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 3. С. 389–394.
20. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1981. Т. 3. 447 с.
21. Одинцова М. И. Экономические доводы в Конституционном Суде: возможности и границы их применения // Очерки конституционной экономики / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 223–231.
22. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. Проект, 2002. 830 с.
23. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 269 с.
24. Рейснер М. А. Государство. Ч. 2, ч. 3: Государство и общество; Государственные формы. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 291 с.
25. Санжаревский И. И. Пропорциональность в современных социально-политических отношениях. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 144 с.
26. Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.
27. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
28. Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
29. Сырунина Т. Перспективы и сложности применения судами экономического анализа права при разрешении споров // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4(83). С. 79–90.
30. Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2015. № 3. С. 4–34.
31. Троицкая А. Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (120). С. 57–77.
32. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 (*mesaŕь – *morzakъ). М.: Наука, 1992. 254 с.

33. *Этимологический словарь современного русского языка* / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1. 584 с.
34. *Berkowitz P.* Constitutional conservatism // *Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22.
35. *Blair T.* Europe: the third way / die neue Mitte / T. Blair; G. Schröder // *The New Labour reader* / ed. A. Chadwick. Cambridge: Polity Press, 2003. Pp. 110–115.
36. *Coase R. H.* The Problem of Social Cost // *The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560.
37. Cost-benefit analysis / ed. R. Layard, St. Glaister. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 497 p.
38. *Dworkin R. M.* Is wealth a value? // *The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9, Issue 2. Pp. 191–226.
39. *Florida R.* The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002. 434 p.
40. *George T. E.* The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging / T. E. George, T.G. Weaver // *The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior* / ed. L. Epstein, St. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 286–339.
41. *Giddens A.* The third way and its critics. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000. 189 p.
42. *Giddens A.* The third way: the renewal of social democracy. Malden, Mass.: Polity Press, 1999. 166 p.
43. *Heck P.* Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Bd. 112, H. 1. S. 1–318.
44. *Hunt I.* Liberal socialism: an alternative social ideal grounded in Rawls and Marx. Lanham: Lexington Books, 2015. 182 p.
45. *Jakobs M. Ch.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Darstellung seiner Geltung im Atomrecht. Köln: Heymann, 1985. 243 S.
46. *Kennedy D.* Cost-benefit analysis of entitlement problems: a critique // *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445.
47. *Kühn Z.* Worlds apart: Western and Central European judicial culture at the onset of the European enlargement // *The American Journal of Comparative law*. 2004. Vol. 52, Issue 3. Pp. 531–567.
48. *Law D. S.* The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan // *Texas Law Review*. 2009. Vol. 87, Issue 7. Pp. 1545–1593.
49. *Law D. S.* Why has judicial review failed in Japan // *Washington University Law Review*. 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466.
50. *Milgate M.* Equilibrium: Development of the Concept // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / associate editor G. Jones. 3d ed. London: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 3851–3857. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>.
51. *Mishan E. J. Quah E.* Cost-benefit analysis. London; New York: Routledge, 2007. 316 p.
52. *Mullender R.* Theorizing the third way: Qualified consequentialism, the proportionality principle, and the new social democracy // *Journal of Law and Society*. 2000. Vol. 27, Issue 4. Pp. 493–516.
53. *Myerson R. B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory // *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37, Issue 3. Pp. 1067–1082.
54. *Oxford handbook of U.S. judicial behavior* / ed. L. Epstein, S. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. 595 p.
55. *Petrażycki L.* Law and morality. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 335 p.
56. *Pinello D. R.* Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis // *The Justice System Journal*. 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254.
57. *Posner R. A.* Economic analysis of law. 3rd ed. Boston: Little, Brown, 1986. 666 p.
58. *Pound R. A.* Survey of Social Interests // *Harvard Law Review*. 1943. Vol. 57, Issue 1. Pp. 1–39.
59. *Robinson R.* Cost-benefit analysis // *The BMJ*. 1993. Vol. 307. № 6909. Pp. 924–926.
60. *Rohr D. G.* The origins of social liberalism in Germany. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 179 p.
61. *Sawer M.* The ethical state?: social liberalism in Australia. Carlton: Melbourne University Press, 2003. 224 p.
62. *Segal J. A., Cover A. D.* Ideological values and the votes of US Supreme Court justices // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83, Issue 2. Pp. 557–565.
63. *Shaffer R.* Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom // *Patterns of Prejudice*. 2018. Vol. 52, Issue 1. Pp. 78–99.
64. *Stampe E.* Rechtsfindung durch Interessenwägung // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1905. Bd. 10. S. 713–719.
65. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84, H. 3. S. 405–419.
66. *Sullivan K. M.* Post-liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing // *Universi-*

ty of Colorado Law Review. 1992. Vol. 63. Pp. 293–317.

67. Toward a General Theory of Action / ed. T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge: Harvard University Press, 1951. 506 p.

68. Voßkuhle A. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // Juristische Schulung. 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429–431.

References

1. Abercrombie N. *Sotsiologicheskii slovar'* / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. 2-e izd. [Sociology Dictionary; N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. 2nd ed.]. Moscow, 2004. 620 p. (In Russ.).

2. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskii spravochnik. 11-e izd.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Practical Guide. 11th ed.]. Moscow, 2001. 568 p. (In Russ.).

3. Antonov M. V. *O nekotorykh teoreticheskikh problemakh primeneniya ekonomicheskogo analiza prava v Rossii* [On Some Theoretical Problems for Applying Economic Analysis in Russian Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2011. Issue 3. Pp. 10–25. (In Russ.).

4. Blankenagel A. *O skrytoy pol'ze sravnitel'nogo pravovedeniya i sravnitel'nogo konstitutsionnogo prava* [On the Hidden Benefits of Comparative Jurisprudence and Comparative Constitutional Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2004. Issue 3 (48). Pp. 51–52. (In Russ.).

5. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg, 2000. 1534 p. (In Russ.).

6. Vasil'eva S. V. *Ne doveryayte sozдание zakona cheloveku, kotoryy khochet provesti v nem tol'ko svoi egoisticheskie interesy!* [Do not Entrust Law-Making to a Person Who Wants to Pursue Only His Selfish Interests!]. *Metodologiya poiska (vybora) optimal'nykh pravovykh resheniy / pod nauch. red. M. V. Vilisova, I. Yu. Kolesnik, M. Netesova i dr.* [Methodology for Searching (Selecting) Optimal Legal Solutions; ed. by M. V. Vilisov, I. Yu. Kolesnik, M. Netesov et al.]. Moscow, 2012. Issue 1–2. Pp. 116–119. (In Russ.).

7. Gadzhiev G. A. *Predmet konstitutsionnoy ekonomiki* [The Scope of Constitutional Economics]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on Constitutional

Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 37–91. (In Russ.).

8. Golovko L. V. *Pravovaya nauka protiv social sciences: kakim dolzhen byt' rossiyskiy vybor?* [Legal Science against Social Sciences: what should Russia Choose?]. *Zakon – ZAKON*. 2014. Issue 12. Pp. 32–43. (In Russ.).

9. Golubok S. A. *Rossiyskoe pravosudie po evropeyskim standartam. Retseziya na knigu Burkov A. L. Konventsia o zashchite prav cheloveka v sudakh Rossii (M.: Volters Kluver, 2010)* [Russian Justice under the European Standards. Book Review: Burkov A. L. Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia (Moscow: Wolters Kluver, 2010)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2010. Issue 5 (78). Pp. 172–174. (In Russ.).

10. Dahl V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 2006. Vol. 4. 672 p. (In Russ.).

11. Evseev A. P. *Psikhologiya konstitutsionnogo sudoproizvodstva: monografiya* [The Psychology of Constitutional Proceedings: Monograph]. Kharkov, 2013. 230 p. (In Russ.).

12. Eryshev A. A., Lukashevich N. P., Slastenkov E. F. *Logika. 3-e izd.* [Logic; A.A. Eryshev, N. P. Lukashevich, E. F. Slastenkov. 3rd ed.]. Kiev, 2000. 184 p. (In Russ.).

13. *Kak sud'i primayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava / pod red. V. V. Volkova* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law; ed. by V. V. Volkov]. Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.).

14. Karapetov A. G. *Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).

15. Kokotov A. N. *Konstitutsiya i obshchestvo: balans interesov* [Constitution and Society: Balance of Interests]. *Chinovnik* – Civil Servant. 2003. Issue 6. Pp. 15–21. (In Russ.).

16. Kulikov E. A. *Kategoriya mery v prave: voprosy teorii*. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Concept of Measure in Law: Theoretical Issues: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2013. 26 p. (In Russ.).

17. Kurbatov A. Ya. *Konstitutsionnyy sud RF: problemy s kompetentsiyey trebuyut resheniya* [Constitutional Court of the Russian Federation: Competence Problems Need to Be Solved]. *Zakon – ZAKON*. 2011. Issue 8. Pp. 115–122. (In Russ.).

18. Lopatin V. V., Lopatina L. E. *Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, 2000. 831 p. (In Russ.).

19. Losev A. Mera [Measure]. *Filosofskaya entsiklopediya / pod red. F.V. Konstantinova. V 5 t.* [Encyclopedia of Philosophy; ed. by F.V. Konstantinov. In 5 vols.]. Moscow, 1964. Vol. 3. Pp. 389–394. (In Russ.).
20. Mill J. S. *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, 1981. Vol. 3. 447 p. (In Russ.).
21. Odintsova M. I. *Ekonomicheskie dovody v Konstitutsionnom Sude: vozmozhnosti i granitsy ikh primeneniya* [Economic Reasoning in the Constitutional Court: Possibilities and Limits of Its Application]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on the Constitutional Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 223–231. (In Russ.).
22. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Moscow, 2002. 830 p. (In Russ.).
23. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, 1998. 269 p. (In Russ.).
24. Reusner M. A. *Gosudarstvo* [State]. Pt. 2; Pt. 3. *Gosudarstvo i obshchestvo; Gosudarstvennye formy* [State and Society; State Forms]. Moscow, 1912. 291 p. (In Russ.).
25. Sanzharevskiy I. I. *Proportsional'nost' v sovremennykh sotsial'no-politicheskikh otnosheniyakh* [Proportionality in Modern Socio-Political Relations]. Saratov, 2004. 144 p. (In Russ.).
26. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka / sost. A. Yu. Mudrova* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language; comp. by A. Yu. Mudrova]. Moscow, 2009. 507 p. (In Russ.).
27. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, 2007. 960 p. (In Russ.).
28. Starodubtseva E. B., Lozovskiy L. Sh., Raysberg B. A. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'. 6-e izd.* [Modern Dictionary of Economics. 6th ed.]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).
29. Syrunina T. *Perspektivy i slozhnosti primeneniya sudami ekonomicheskogo analiza prava pri razreshenii sporov* [Perspectives and Challenges for Applying Economic Analysis in Judicial Practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2011. Issue 4 (83). Pp. 79–90. (In Russ.).
30. Timoshina E. V., Kraevskiy A. A., Salmin D. N. *Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: instrumenty vzveshivaniya v situatsii konkurentsii prav cheloveka* [Axiology of the Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo* – Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2015. Issue 3. Pp. 4–34. (In Russ.).
31. Troitskaya A. *Mezhdistsiplinarnost' v sravnitel'nom konstitutsionno-pravovom issledovanii* [Interdisciplinary Approach in Comparative Constitutional Research]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2017. Issue 5 (120). P. 57–77. (In Russ.).
32. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavianskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Moscow, 1992. Issue 19. 254 p. (In Russ.).
33. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka / sost. A. K. Shaposhnikov: v 2 t.* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language; comp. by A. K. Shaposhnikov: in 2 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 1. 584 p. (In Russ.).
34. Berkowitz P. Constitutional Conservatism. *Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22. (In Eng.).
35. Blair T., Schröder G. Europe: the Third Way / Die Neue Mitte. *The New Labour Reader*; ed. by A. Chadwick. Cambridge, 2003. Pp. 110–115. (In Eng.).
36. Coase R. H. The Problem of Social Cost. *The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560. (In Eng.).
37. Cost-Benefit Analysis; ed. by R. Layard, St. Glaister. Cambridge, 1994. 497 p. (In Eng.).
38. Dworkin R. M. Is Wealth a Value? *The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9. Issue 2. Pp. 191–226. (In Eng.).
39. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York, 2002. 434 p. (In Eng.).
40. George T. E., Weaver T. G. The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging. *The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior*; ed. by L. Epstein, St. A. Lindquist. New York, 2017. Pp. 286–339. (In Eng.).
41. Giddens A. The Third Way and Its Critics. Cambridge, 2000. 189 p. (In Eng.).
42. Giddens A. The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Malden, 1999. 166 p. (In Eng.).
43. Heck P. Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz. *Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Vol. 112. Issue 1. Pp. 1–318. (In Germ.).
44. Hunt I. Liberal Socialism: An Alternative Social Ideal Grounded in Rawls and Marx. Lanham, 2015. 182 p. (In Eng.).
45. Jakobs M. Ch. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Dar-

stellung seiner Geltung im Atomrecht. Cologne, 1985. 243 p. (In Germ.).

46. Kennedy D. Cost-Benefit Analysis of Entitlement Problems: A Critique. *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445. (In Eng.).

47. Kühn Z. Worlds Apart: Western and Central European Judicial Culture at the Onset of the European Enlargement. *The American Journal of Comparative Law*. 2004. Vol. 52. Issue 3. Pp. 531–567. (In Eng.).

48. Law D.S. The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan. *Texas Law Review*. 2009. Vol. 87. Issue 7. Pp. 1545–1593. (In Eng.).

49. Law D.S. Why Has Judicial Review Failed in Japan. *Washington University Law Review*. 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466. (In Eng.).

50. Milgate M. Equilibrium: Development of the Concept. The New Palgrave Dictionary of Economics; ed. by Macmillan Publishers Ltd. 3rd ed. London, 2018. Pp. 3851–3857. Available at: <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>. (In Eng.).

51. Mishan E. J., Quah E. Cost-Benefit Analysis. London, 2007. 316 p. (In Eng.).

52. Mullender R. Theorizing the Third Way: Qualified Consequentialism, the Proportionality Principle, and the New Social Democracy. *Journal of Law and Society*. 2000. Vol. 27. Issue 4. Pp. 493–516. (In Eng.).

53. Myerson R.B. Nash Equilibrium and the History of Economic Theory. *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37. Issue 3. Pp. 1067–1082. (In Eng.).

54. Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior; ed. by L. Epstein, S. A. Lindquist. New York, 2017. 595 p. (In Eng.).

55. Petrażycki L. Law and Morality. Cambridge, 1955. 335 p. (In Eng.).

56. Pinello D. R. Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis.

The Justice System Journal. 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254. (In Eng.).

57. Posner R. A. Economic Analysis of Law. 3rd ed. Boston, 1986. 666 p. (In Eng.).

58. Pound R. A Survey of Social Interests. *Harvard Law Review*. 1943. Vol. 57. Issue 1. Pp. 1–39. (In Eng.).

59. Robinson R. Cost-Benefit Analysis. *The BMJ*. 1993. Vol. 307. Issue 6909. Pp. 924–926. (In Eng.).

60. Rohr D. G. The Origins of Social Liberalism in Germany. Chicago, 1963. 179 p. (In Eng.).

61. Sawyer M. The Ethical State?: Social Liberalism in Australia. Carlton, 2003. 224 p. (In Eng.).

62. Segal J. A., Cover A. D. Ideological Values and the Votes of US Supreme Court Justices. *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83. Issue 2. Pp. 557–565. (In Eng.).

63. Shaffer R. Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom. *Patterns of Prejudice*. 2018. Vol. 52. Issue 1. Pp. 78–99. (In Eng.).

64. Stampe E. Rechtsfindung durch Interessenwägung. *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1905. Vol. 10. Pp. 713–719. (In Germ.).

65. Stuck H. Subsumtion und Abwägung. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Vol. 84. Issue 3. Pp. 405–419. (In Germ.).

66. Sullivan K. M. Post-Liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing. *University of Colorado Law Review*. 1992. Vol. 63. Pp. 293–317. (In Eng.).

67. Toward a General Theory of Action; ed. by T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge, 1951. 506 p. (In Eng.).

68. Voßkuhle A. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. *Juristische Schulung*. 2007. Vol. 47. Issue 5. Pp. 429–431. (In Germ.).